

В конце концов Хуа Юйань молча доела кашу в гостиной, затем сама приняла лекарство и, уставшая, снова уснула на диване. В полусне она обняла Сяо Гуай, который тоже спал на диване, и так они и заснули вместе.

Когда Лю Цингэ вышла из комнаты, она увидела, что на столе стоит пустая тарелка из-под каши, лекарства и стакан с водой. На диване мирно спала Хуа Юйань, обнимая пушистого Сяо Гуай. Человек и кошка спали в обнимку.

Лю Цингэ тихо убрала со стола, затем села на другой односпальный диван и задумчиво смотрела на Хуа Юйань. Она слегка наклонилась, опершись головой на руку, и в ее глазах постепенно появилась улыбка.

Даже сама Лю Цингэ не заметила, что ее глаза улыбаются. Она также не осознавала, что может просто сидеть и спокойно наблюдать за чьим-то сном, чувствуя при этом умиротворение и удовлетворение.

Хуа Юйань слегка пошевелилась, и Сяо Гуай тоже. Они немного сменили позу и снова уснули.

Лю Цингэ тихо усмехнулась и продолжала наблюдать за Хуа Юйань. Телефон в ее руке постоянно вибрировал, но она не обращала на это внимания, словно изящная ледяная скульптура, спокойно наблюдающая за спящей.

В конце концов вибрация телефона стала невыносимой, и Лю Цингэ встала, вернулась в комнату и только тогда ответила на звонок.

— Алло, папа.

Ее голос был холодным, а глаза в темной комнате казались ледяными.

— Дочка, как дела?

С другой стороны провода раздался спокойный мужской голос. Лю Цингэ лишь тихо ответила, что все в порядке, и собеседник продолжил:

— Работаешь много?

Отец звонил несколько раз, и Лю Цингэ ответила только сейчас. Он посмотрел на время и подумал, что она все еще занята.

— Нет, только что принимала душ.

Лю Цингэ без тени смущения солгала. Мужчина на том конце провода вздохнул с облегчением:

— Хорошо, главное, чтобы ты заботилась о себе. Не будь как твой старик...

Отец хотел что-то добавить, но Лю Цингэ прервала его:

— Папа, что случилось?

Она понимала своего отца — он никогда не звонил просто так.

— Как у тебя дела с Ижанем?

Отец произнес это задумчиво, и Лю Цингэ на несколько секунд замолчала, прежде чем

ответить:

— Как обычно.

Ее ответ был ровным, без особых эмоций.

— Когда планируете пожениться?

После этого вопроса дыхание Лю Цингэ на мгновение замерло, но уже через две секунды на ее губах появилась улыбка, холодная, как ветер на вершине горы, пронизывающая до костей.

— Мы оба заняты, пока не планируем.

Ее голос оставался спокойным, как гладь озера, без малейших волнений.

— Тебе уже 28, некоторые вещи...

Отец хотел продолжить, но Лю Цингэ холодно прервала его, и ее ровный тон стал жестким.

— Папа, я всегда жила по твоим правилам, но это моя жизнь, и я хочу сама решать.

Лю Цингэ оперлась о стену, и ее холодный тон, казалось, заморозил собеседника. Отец замолчал на несколько секунд, прежде чем ответить:

— Хорошо, надеюсь, я не буду ждать слишком долго.

Его тон был знакомым, как раньше, когда Лю Цингэ помогала ему в делах. Но сейчас... все было иначе.

— Папа, отдохни. Пока.

Сказав это, Лю Цингэ повесила трубку. Она, казалось, была немного раздражена, бросила телефон на кровать и вышла из комнаты.

Внутри нее клокотало невысказанное раздражение, но, увидев в гостиной спящих Хуа Юйань и Сяо Гуай, ее гнев почти исчез.

— Юйань...

Лю Цингэ тихо позвала ее имя и коснулась лба Хуа Юйань. Жар уже прошел.

— Ты всегда приносишь мне покой.

Ее голос был по-прежнему тихим, чтобы не разбудить спящую. Она села на пол и молча смотрела на лицо Хуа Юйань — длинные ресницы, высокий лоб, розовые губы...

Лю Цингэ вдруг почувствовала, как пересохло в горле, и быстро встала, больше не глядя на Хуа Юйань. Ее сердце будто пропустило удар.

В этот момент Хуа Юйань вдруг заговорила...

— Цингэ...

Лю Цингэ вздрогнула, словно ее поймали на чем-то плохом. Она обернулась и увидела, что Хуа Юйань все еще спит, а слово было лишь сном. Девушка крепче обняла Сяо Гуай, и Лю Цингэ

почувствовала, как что-то дрогнуло в ее сердце. Она не знала, что снилось Хуа Юйань.

— Обними...

Хуа Юйань снова произнесла, и на этот раз Лю Цингэ покраснела. Она не знала, что снилось Хуа Юйань, но чувствовала, что та, возможно, вела себя в ее сне неподобающе.

— Ладно, на этот раз я тебя прощаю.

Голос Лю Цингэ стал мягче, и на ее губах появилась улыбка. Она взяла маленькое одеяло и тихо накрыла им Хуа Юйань.

Лю Цингэ перенесла документы и ноутбук на обеденный стол, приглушила свет в гостиной и включила свет в столовой, продолжая работать. Она также налила себе тарелку каши и, поставив ее перед ноутбуком, начала есть, одновременно работая. В этот момент она была благодарна Мин Ижаню за кашу — иначе ей пришлось бы заказывать еду.

Лю Цингэ просматривала данные и отчеты, когда позвонила Лю Сяююэ.

— Алло.

Она держала отчет в одной руке, а Лю Сяююэ на том конце провода рассказывала о проекте.

— Да, мне нужно, чтобы дизайнеры прислали 3D-модели.

Голос Лю Цингэ был очень тихим, и Лю Сяююэ нахмурилась:

— Сестра, тебе неудобно говорить?

Лю Цингэ на мгновение задумалась:

— Юйань спит, я не хочу ее будить.

Услышав это, Лю Сяююэ на мгновение удивилась, но быстро собралась, и на ее губах появилась загадочная улыбка.

— Сестра...

— Да?

Лю Цингэ машинально ответила, а Лю Сяююэ понизила голос, сделав его более хриплым и немного соблазнительным.

— Ты влюбилась в свою помощницу?

Эти слова заставили Лю Цингэ напрячься, словно кто-то задел ее самое сокровенное. Она непроизвольно сжала телефон и холодно ответила:

— Что ты имеешь в виду?

— Ты хочешь ее.

Лю Сяююэ сделала паузу, затем продолжила:

— Хочешь переспать с ней.

Услышав это, Лю Цингэ покраснела, нахмурилась и холодно ответила:

— Лю Сяююэ, что за глупости ты несешь?

Лю Сяююэ пожала плечами и улыбнулась:

— Ты позволила ей переехать к тебе, так заботишься о ней, защищаешь ее. Ты сегодня рано ушла с работы из-за нее, верно? Сестра, это уже очевидно.

Лю Сяююэ вдруг потеряла интерес к отчетам. Она чуть ли не хотела сейчас же прийти к Лю Цингэ и увидеть, как меняется выражение лица этой ледяной горы.

Лю Цингэ молчала, затем холодно, почти без эмоций, сказала:

— Ты слишком грязно мыслишь. Разве забота о ком-то обязательно означает такие чувства?

Она отрицала, но в глубине души хотела, чтобы Лю Сяююэ помогла ей разобраться в своих чувствах.

— Разве любовь — это что-то грязное? И я вижу, что твоя помощница к тебе тоже неплохо относится.

Лю Сяююэ вспомнила, как в ресторане эта обычно робкая девушка чуть ли не вступила с ней в спор, и это показалось ей забавным.

— Сяююэ, она женщина.

Она напомнила Лю Сяююэ, а также самой себе.

— Ну и что? Любовь есть любовь, независимо от пола.

Лю Сяююэ, сказав это, вдруг вспомнила о Ли Цзяоцзяо — той веселой, но серьезной и сосредоточенной на работе девушке, которая так привлекала ее.

— Сяююэ, давай вернемся к делам.

Лю Цингэ не хотела больше обсуждать эту тему. В ее сердце было что-то, что она не хотела признавать.

— Ладно, последнее.

Лю Сяююэ сделала паузу, затем кокетливо улыбнулась, словно хитрая лиса:

— Не упusti того, кто рядом.

Лю Цингэ нахмурилась и холодно сказала:

— Говори о делах.

Лю Сяююэ почувствовала, что Лю Цингэ действительно раздражена, и тут же замолчала. Она не хотела злить эту ледяную гору — ее гнев был невыносим.